

СТАНИСЛАВ РИЧЧИ

САМОДУРСТВО

ТЕБЯ ЗДЕСЬ НЕ ЛЮБЯТ

Станислав Риччи Самодурство. Тебя здесь не любят

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29827672

ISBN 9785449006608

Аннотация

Каждый человек когда-либо, но сталкивался с общественным давлением или другими негативными факторами. «Самодурство» – это крик творческого человека, прошедшего через огонь, воду и людское мнение.

Содержание

Поколение	6
13 мгновений обмана	9
Двойное дно	12
Воспоминания	15
На закате мира	18
Депрессия?	21
Записки больного поэта	24
Мертвее всех живых	27
Пьяный феникс	30
Заперт, но не сломлен	33
Конструктор	36
Кровавые шипы	39
Парень, поверивший в чудо	42
Призраки сети	45
Мёртвые души	48
Антиутопия	51
Лунный спутник	54
I. В ожидании чуда	57
II. Обиженные и слабые	60
III. Без лица	63
IV. Пережитки прошлого	66
Страсти	69
Иллюзионист	72

Во сне	75
Петли	78
Больной разум	81
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Самодурство Тебя здесь не любят

Станислав Риччи

© Станислав Риччи, 2018

ISBN 978-5-4490-0660-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Поколение

Нас раскидала судьба на два фронта,
Шансы на победу остаются малы,
В спину светит кровавое зарево горизонта,
И ноги вязнут в яме горячей смолы.

Ты там, а я здесь. Прицельная стрельба,
Здесь не просто одиночная битва,
Тут бесконечный град пуль и борьба,
А у шеи острая тонкая бритва.

Ошибаться нельзя, но мы изменим мнение,
Невозможно прекратить всё сейчас.
Утихомирить это адское душевное рвение —
Нельзя будет год, неделю и час.

Памятник безымянному революционеру?
Конечно, только подобное не про нас.
Строим на собственных костях карьеру,
Меняем фото в паспорте на покойника в фас.

Тела кидают с крыши, мысли сортируют,
Затем по конвейеру отправляют на мясо,
Все шаблонные люди отныне ликуют,

Сменив одежду для танцев на «священную» рясу.

Мы уходим молодыми на глубину океана,
Война продолжается, мертвецы идут в бой,
Жестокость вводит нас в вечную нирвану,
Мы не понимаем, что идём безликой толпой.

Ты веришь в помощь из ниоткуда и в чудеса?
Пусть тебя спасает только странная вера,
За спинами горят костры, пылают серые леса,
Ваша борьба – слепые вскрики старовеера.

Свобода слова, но с определённой планки запрет,
Возможность творить, но только с разрешения свыше,
Почему вокруг существует аллюзия к вашему «нет»,
Или право на жизнь отнимают о людей, занимающих ни-
шу?

Памятник слепой и глухой обезьяне —
Прямое указание на современное общество,
Все плачут о физической боли, а не о душевной ране,
Строя различные субкультурные сообщества.

Будем просто бить стёкла и в небо стрелять?
Всё проще, рубишь змея – начинай с головы,
Так, надеюсь, вам станет легче понять,

Что вы столько лет были намеренно не правы.

Наша культура – культура покойников и суицида,
Стихи – стезя страдальцев и молчаливых людей,
Проза – всё, что остаётся, но скоро рухнет пирамида,
И мы, как фокусники, выпустим на волю голубей.

Они ознаменуют, что всё только на ступени начала,
Огонь покорит моря, сожжёт дома и квартиры,
Только ты, будешь сидеть и ждать изменения у причала,
Как герой чьей-то трагичной и грустной сатиры.

13 мгновений обмана

Столько лет прожить в тени,
Чтобы бежать на солнечный восход,
Осознавая, что вы всегда одни,
И моментально рухнул небосвод.

Кругом обман, нам долго вдали,
Корабль мчится прямо в гору льда,
А капитана крутит на штурвале,
Неясный шум, и, бух, удар.

Тенями проявляются старые знакомые,
Искать ответы на вопросы нелегко,
Мы бегаем по городам, как насекомые,
Сгрызая страницы древних дневников.

Налей ещё один стакан, бармен, прошу,
Который год терплю всю эту боль,
А под душой сплошные шрамы лишь ношу,
Надеясь, что их закроет алкоголь.

Шатаюсь, мчусь домой по тротуару,
Бегу, но путаюсь свинцовыми ногами,
Быть может, я человек, сбжавший из футляра,

Которого когда-то разнесёт волнами?

Кричу на мир, виню его, а сам не делаю шагов,
Вздымая руки к небу, говорю ему, что потерялся.
Но время скидывает с лестницы, а я уже багров,
И, раскинув руки, на глазах нелепо растворялся.

Дайте ключ, и я открою вам дорогу в никуда,
Нас за поворотом ждёт безликая печаль,
Сегодня бой, судьба ничейный секундант,
Который манит убежать куда-то вдаль.

Но это так нелепо, быть беглецом на поле брани,
Я не прошу кого-то помнить обо мне таком,
Не стоит забывать лишь о своей душевной ране,
И нас раздавят под неуправляемым катком.

Никто не станет горевать, забудут даже имя,
Останется лишь пара горьких слёзных капель.
Нам мертвые когда-то чудились живыми,
Мы видим странную фигуру в нелепой чёрной шляпе.

О ней писали в книгах – сама царица смерти,
Смотрите в небо, не опуская вниз глаза,
Не бойтесь, просто её словам-обманам вы не верьте,
Раздался шум, полил вдруг дождь, и началась гроза.

Вода отмоем грязь на окровавленной дороге,
Багровые ручьи помчатся в стороны на землю,
Слова – иллюзии, они нелепы и убоги,
Но я, как и раньше, бездумно людям внемлю.

Обманом жизнь свою назвать могу без страха,
Вот, наступило его тринадцатое, последнее мгновение,
Я весь в крови, на мне разорвана последняя рубаха,
Настал конец, и тело пало, крича от изнеможения.

Двойное дно

Сколько бы ни звал людей —
Они никогда не приходят.
Я останусь среди зверей,
Они вокруг пальцев не водят.

Кровавый оскал, искры из глаз,
Да, таков настоящий человек.
Истину меняют на пересказ,
Повторяя это уже не один век.

Ненавижу людей, их слабости,
Им трудно говорить друг с другом.
Порой, так не хватает храбрости,
Чтобы избежать депортации к слугам.

И плевать, что только на словах герой,
Плевать, каким окажется мой завтрашний день
Мир ломает и гнёт, давая очередной бой,
В этой битве побеждает только один – и это тень.

Тень того, кем были люди раньше,
Как говорили, помогали и жили
Сейчас губка мира впитала литры фальши,

Превратив прошлое в залежи пыли.

Мы стоим на руинах, ненавидя себя и других,
Вытираем капли крови у разбитого виска.
Как сейчас помню друзей своих четверых,
Но мысли о них – лишь простая тоска.

Никому нет дел до проблем настоящих,
Мы разбиваем кафель, пытаюсь найти подвал.
Вокруг толпы людей слепых и молчащих,
Кто они такие, ведь никто их не звал?!

Культурная массовка на фоне адской бойни,
Закрой глаза и просто прими всё как есть.
Прошу тебе, дорогая судьба, здесь не пой мне,
Битва с обществом потеряла последнюю честь.

Пробив второе дно, тонуть уже не хочется,
И руки сами тянутся куда-то к небесам.
Пальцы стучат, как лопатка в песочнице,
Но тут за себя постоишь только ты сам.

Тройной взрыв музыки в динамиках,
Прилив адреналина, хочется рвать и метать.
В стену летит весь сервиз и керамика,
Я лишь хотел поближе к птицам летать.

Но не случилось, так бывает,
Разбито белоснежное волшебное крыло.
Мир из-под ног уходит, меня забирает нирвана,
Холод мира превратился за секунду в тепло.

И нам бы покорять океаны, превзойти богов,
Но шансы – подобно игре в русскую рулетку.
Люди сдаются без боя и лишних торгов,
В нерешительности, для ответа кинув монетку...

Воспоминания

Делаешь записи,
Рвёшь дневники;
Это не мы здесь не правы,
А они дураки!

Им не понять, что томится,
Томится, засевши в груди,
Может, мне всё сейчас снится,
И я стою в темноте не один?

Тучи сгущаются, падают небеса,
Даже тьма отторгает всех нас.
Нет возможности исполнять чудеса,
Ведь нас даже всевышний не спас.

Тирада на последнем вздохе,
Застыло время, не стучат часы,
Мы стоим на пороге новой эпохи,
Но не в нашу пользу наклонились весы.

Спрячу лицо за чёрной маской,
Чтобы жизнь продолжала идти,
Продолжала казаться мне сказкой,

Где счастье возможно найти у реки.

Но всё ли так просто, всё так легко?
Мы не узнаем, ведь Титаник утонет.
Наши трупы волна унесёт далеко,
На Родине никто добрым словом не вспомнит.

Думали, что рубим Европейское окно,
А оказалось, высекали топорами гроб.
В ночи без света так приятно, так темно,
Издали лишь светит ветхий небоскрёб.

В нём тоже люди смотрят в окна и мечтают:
Как уплывут когда-то морем навсегда,
Другие просто смотрят и не знают,
Какими будут после ночи их дела.

Но мы же вспоминать так любим,
Ушедшее, и тех, кто покидает нас.
И больно осознать, что сам губим,
Всех тех, сияние, чьих любили глаз.

Нас отвергают все и всюду вечно,
Нельзя сбежать из круга без замен,
Хотели поступать со всеми человечно,
Но истину муруют среди бетонных стен.

Никто не хочет правды, она – пустое место,
Её не принимают тут всерьёз.
Обман – искусство выражать «правдивые» протесты,
Но всё в конце одно – нас ждёт феерии курьёз.

Нас здесь забудут, перестанут помнить,
А мы, пройдя витрины, задумчиво взгрустнем,
Я зарисую на листке желтеющем, альбомном,
То, по какой сейчас дороге так медленно идём.

На закате мира

Остановите планету, я сойду,
Верните мораль и чувства в моду:
Раньше люди воевали за еду,
Теперь дерутся, чтобы получить свободу.

Мы все живём по чьим-то записям и книгам,
Легко идём навстречу боли и обману,
И без проблем подвергнемся интригам,
Ведущим к ядовитому туману.

Здесь нет морали, все эмоции прогнили,
А разум не имеет право говорить,
Мы все когда-то по течению плыли,
А тут нам остаётся молча жить.

Подача кислорода сведена к нулю,
Корабль тонет, но капитан ещё на нём.
«Не нужно никого спасать, я участь разделю,
Пойдём на дно мы с кораблём вдвоём.»

Солнце медленно ушло куда-то вдаль,
Багрово-алые цвета мелькают всюду,
А на лице застыла вечная печаль,

И помутился мой рассудок.

Так мало воздуха, а хочется дышать,
Но выход заперт, больше некуда идти,
А значит, тут придётся окончательно решать,
Всем нам ли дальше будет по пути?

К чему такие глупые вопросы вслух?
Огонь в глазах когда-то ярко полыхал,
Теперь он умер, то есть медленно потух,
Погиб героем – это выше всех похвал.

Общество сгубило столько творческих людей,
Решив, что им не место в общей массе.
Творцов так часто принимают за зверей,
Дерущихся за грош, лежащий в магазинной кассе.

Так мало правды есть у человека за душой,
Её пускают лишь формально для победы.
Выбор лживого пути вечно был простой,
Однако, верного – конкретно не изведен.

Нам остаётся наблюдать падение планеты,
Её закат, и восхождение желтеющей Луны.
Судьба нам выдаёт без дат обратные билеты,
Где годы детства так прекрасно всем видны.

Мы существуем, а другие припеваючи живут,
Нас ненавидят, а остальных душою любят.
Подобных нам – нигде и никогда не ждут,
Таких как вы – ещё с рожденья губят.

Вот на руинах греется уставшая змея,
Её глаза заметили движенье.
А, это из заката медленно выходит вся Земля,
Ознаменовав всей жизни повторенье.

Депрессия?

Край крыши символизирует конец мира,
Капли дождя – слёзы небес у наших ног.
Хочешь бороться – тогда, смелее, лидируй,
И верь, что кто-то свыше тебе с победой помог.

Близкие друзья падают, не в силах идти,
Хочешь – можешь спокойно двигаться дальше,
Но помни, что таких можешь потом не найти,
Ведь во многих сейчас столько фальши.

Холодная ванна, кубики льда для декора —
Всё это скрывает чувства, охлаждает тела.
Для вас слова людей просто умора —
Зачем же суёте нос не в свои-то дела?

Ненависть к миру заставляет меня гнить изнутри,
Но это моя болезнь, показать слабость не смею,
Все мы в душе скандалисты и крушители – бунтари,
А на деле, стараемся показать, что хоть что-то умеем.

Закрываемся на замки, на дверях пишем, чтоб не входили,
ли,

Ненавидим свои жизни, режем вены на дрожащих руках,

Кричим: «Господи, зачем меня вообще когда-то родили»,
Но вместо ответа получаем лишь неизведанный страх.

У вас же всё плохо, каждый второй – ощущает депрессию,
Но стоит осознать, что миру даже на это плевать,
Начнёте молиться о чём-то своём поднебесью,
Уткнувшись лицом в мягкую, но пустую кровать.

Невозможно отступить от того, к чему привязался,
Нереально терпеть то, от чего давно так тошнит,
Трудно делать то, за что, не подумавши, взялся,
Сложно выполнить так, чтобы не нарушать алгоритм.

Это не проповедь о том, как следует каждому жить,
Здесь просто насмешка над эпохой пьяных страдальцев,
Можно безбожно в глотку каждому винишко залить,
Чтобы убить этим действием сразу двух убегающих зайцев.

Можно ненавидеть, но в душе тайно поклоняться и любить,
Хочется в обществе самым лучшим и гениальным казаться,
Но вместо этого, лучше заперевшись в квартире, курить,
Чтобы к миру людей больше никогда и никак не касаться.

Крысиный король уже давно ушёл на покой, война пала,
Глаза перестали сиять ярко-красным бойцовским огнём,
В людях не видно былого настроения и боевого закала,
Ещё секунду, и наши тела разнесутся в разные стороны
вороньём..

Записки больного поэта

Ищу пропавший смысл, старые взгляды,
Но надгробия вокруг клонятся к земле.
На кладбище живым творцам не рады,
Ведь я черпаю вдохновение извне.

Во тьме ночной страдает муза,
Я отравил её вином, а сам пошёл топиться.
Сожгу свою Москву, но не Кутузов,
Чтоб требовать почёт и колесницу.

Пламенный язык касается ожогами души,
Все письма прошлого лежат в камине.
На запястьях пляшут ржавые ножи,
А мы с рассудком родное место не покинем.

Как говорил один небезызвестный мне творец
«Жить трудно – существовать замечательно».
Имеет ли судьба начало и непредсказуемый конец?
Нам неизвестно. Ведь этот пункт необязательный.

Плевать в колодец, чтобы пить потом оттуда,
О да, пути безумцев трудно осознать и толковать.
Вся жизнь – святая книга, в которой ты – Иуда,

Продолжающий всех постепенно предавать.

А, для чего вообще подобные отсылки?
Через сравнение легче смысл донести.
Я ненавижу общество и мой характер пылкий,
Но труп искусства стоит на грани пропасти.

О, как приятно рифмовать квадраты,
Не нужно лишних заморочек для стиха.
Поэт – он человек, но человек проклятый,
Судьба к нему неумолима и глуха.

И вот стою на крыше памятной многоэтажки,
Стою, так глупо жалуясь на жизнь и неудачи,
А миру наплевать – одна ошибка, без поблажки,
Как путь «наверх» окажется оплачен.

Каждый выходной как последний день Земли,
Война за странные бумаги, за маски с кислородом.
Человек давно лишь просто существует, ты внемли,
Под голубым, прекрасно-чистым небосводом.

Но это лишь обман, обман, меня ведущий в кому.
И шансов нет, лишь пустота, без места для фантазий,
А лживый свет ведёт уже по кругу по шестому,
Нас заставляя, становится жертвой эвтаназий.

Обрывки правды среди ненужных строк,
Они томятся, ждут свободы от оков,
Игра не стоит свеч, когда в гробу мой потолок,
А мир – лишь поощряет лживость языков...

Мертвее всех живых

Смотря на человека, понимаешь —
В нём нет и признака борьбы.
Глаза пусты, но ты то, точно знаешь,
Как избежать подвоха от судьбы?

Вся жизнь – как ветхая больница,
И мы здесь на условном сроке.
Такое людям явно не приснится,
Ведь «правду» нам глаголят лжепророки.

Средь мрачных склепов и могил,
Не видно лжи, обмана, старой боли.
Безлюдье мне вплеснуло дозу сил,
Чтобы избежать пытающей неволи.

Непросто, скорее даже трудно,
Держаться на плаву, почти что утонув.
Сегодня день последний, судный,
А моё творчество – обычный анаколуф.

Под мои стихи восстали трупы,
И попросили, скромно, помолчать.
А я кричу в ответ им, через рупор,

Что мертвецам не стоило вставать.

Есенин крутится в гробу,
Его тошнит от строчек выше,
А Маяковский ищет кобуру,
Он так и остался не услышан.

Так, я к чему свой монолог веду —
Что мертвецы бывают чувственней живых,
Возможно, разум мой сейчас в бреду,
Но тело понимает – что это просто стих.

Сложно думать о простом —
Не значит, что приходит осознание,
И если руки блещут мастерством,
То после – ты лишишься осязанья.

Круговорот беды в природе,
Тут ничего не стоит добавлять.
Мы все преступники, в каком-то роде,
Хоть и стараемся на доказательства плевать.

Мне говорят, что стоит перейти к природе,
О ней писать, как можно больше говорить.
Но мир внутри лишь в философии свободен,
И заставляет дальше горечь мира пить.

Я здесь творю и излагаю мысли,
Природу можно видеть за окном,
На красоте все строчки вдруг зависли,
А в жизни человек – всё вверх дном.

Пьяный феникс

Пепел разлетается по миру,
Песчаные часы закончили отсчёт,
Порвались струны старой лиры,
Их правда никого не привлечёт.

Стая диких птиц клюёт меня за кожу,
Вскрывая гниль и яд, текущий по щекам.
Вся жизнь на глупый миф похожа,
А слёзы капают по окровавленным шнуркам.

Я хочу как пьяный феникс умереть,
Чтобы воскреситься на могиле.
Желаю в космос, молча, улететь,
Чтоб люди обо мне забыли.

Мы все шифруем свои тайны,
Их переносим в цифры и двоичный код,
И вечно ходим у окраин,
Считая, что каждый, кроме нас, урод.

Залили боль бутылками с вином,
Но на лице лишь выступает безразличие.
От вида в зеркале застрянет в горле ком,

Теперь ищи в себе от мертвеца отличие.

Я хочу как пьяный феникс умереть,
Чтобы просыпаться снова, раз за разом,
Желаю душу настоящую иметь,
А не чувствовать её лишь по рассказам.

Дневной приём врача в больнице,
Но очередь так неожиданно пуста:
Чумной доктор в кабинете, мне не снится,
«Кровопускание, получше всякого креста».

Каждый человек – актёр своего шоу Трумана,
Вокруг лишь куча бутафорий, декораций,
И шутим в жизни над собой мы необдуманно,
Как персонаж игры – бредём к концу локаций.

Проблема в том, что дар феникса утрачен,
А я уже в процессе смерти нахожусь,
И как меня спасти – никто не озадачен,
Я этим, в какой-то степени, горжусь.

Все ваши сожаления идут мне на растопку,
Все ваши умиления сведут вас скоро в гроб,
Все ваши фразы – лишь несъедобная похлёбка,
Вас истина сражает точной пулей в лоб.

Феникс больше не восстанет чёрным пеплом,
Вместо алкоголя – серый сигаретный дым,
Ненависть к миру и к себе у него давно окрепла,
Он сгорел в последний раз, чтобы снова стать чужим.

Заперт, но не сломлен

Безумный скрежет по стеклу,
Бездушный крик внутри канала,
Стреляйте птице по крылу,
Чтоб жизнь её не волновала.

Пытаюсь вырваться наружу,
Когда на шею жмёт петля —
И грустно понимаю, что не нужен,
Ни для кого, ни даже для себя.

И с этим спорить сам не стану,
Бегу по лезвию ножа,
Закрыв рукой сквозную рану,
И кровь моя сейчас свежа.

Спускаюсь вниз по лестнице подвала,
Здесь на цепях томятся демоны и звери.
Душа моя навеки в них застряла,
Закрыв к свободе вечной двери.

Да, я заперт, но не сломлен духом,
Держусь за ниточку судьбы,
Глаза сковала грусть и сухость,

Все люди – это бывшие рабы.

Рабы системы, времени и взглядов,
Не знаем, как идти своим путём.
Все мы – статисты для экранов,
Двойные жизни, как в кино ведём.

От современности болезненно тошнит,
Мой эгоизм стремится прямо к пику,
Ко мне предательства притягивал магнит,
Я не считал, что будет дико.

Но, оказалось, всё иначе повернётся,
Принцессы рухнет гроб хрустальный,
Она сама, без жениха очнётся
И скажет: «Мир вокруг тебя – он виртуальный».

А это воспринять смогу, увы, не сразу,
Замкнусь в себе, не в силах что-то говорить,
Услышу в сотый раз бессмысленную фразу,
Что из проблемы важно быстро выходить.

Да, я заперт, но не сломлен духом,
Бреду по комнатам безжизненно один,
А в доме так противно, сыро, глухо,
Среди застывших манекенов – не важен господин.

Демоны так просят о свободе, и я не удержусь;
Разрезал цепи, а им не хочется идти.
Теперь от них уже не откажусь,
Ведь демонам и их хозяевам извечно по пути.

Конструктор

Сакура цветёт ближе к концу мая,
А мы погибнем прямиком в июле.
Жизнь в зеркале предательски иная,
Но стекло обмана не отражает пули.

Раскаты молнии заставят содрогнуться,
Капли дождя охладят жгучий пыл,
Откройте способ ото сна очнуться,
А то я в инсомнии застыл.

Стервятники восстали за добычей,
Пьянящий запах трупов над рекой,
В лесу раздался вскрик, он птичий,
И птицы, явно оказался, не одной.

Подкинув в небо злостный эгоизм,
Помчусь с течением к обрыву.
Здесь нет пути назад, а только вниз,
Дорога жизни строится так криво.

Но я конструктор снова поломал,
Разбил деталь и раскрутил пластинку,
Возвёл себе сейчас мемориал,

А сердцем ощутил слезинку.

Две вишни раздавил в ладони,
На пол закапал красный сок,
Смеюсь в пустом автобусном салоне,
Ведь преподал неправильный урок.

Финальный смысл между строк потерял,
Автобус едет прямо в горизонт,
В реальности событий буду не уверен,
Пока над головой есть чёрный зонт.

Истыкана шприцами шея пациента,
Он закатил глаза и еле-еле дышит,
И для него вокруг ничто не стоит цента,
Его последний всхлип подруга не услышит.

Других больных разводят по палатам:
«В кровати, быстро, и хватит всем глазеть!».
В руке лежит бумага и испачканная вата,
Достаточно, хватит издевательства терпеть.

Но я конструктор быстро починил,
Сменил деталь и прострелил пластинку,
Мой крик слышнее сотни бензопил,
Глушил им вашу речь и вечеринку.

А он теперь не нужен никому,
Никто не исполняет своей роли.
Идти на сцену сложно одному,
Особенно, когда ты так искусством болен.

Кровавые шипы

Я смотрел в уходящий закат,
Стоя прямо на краю обрыва.
Настала ночь. Начался звездопад,
Разум на грани безумного срыва.

Холод сковывает меня по рукам,
Нужно как-то согреться,
Смерть идёт, но я умру сам,
Стоит лишь парадно одеться.

Пытался хватать могильные розы,
Но их шипы пускали мне кровь.
Собирал в пробирки грустные слёзы,
Воскрешая на костях ненависть и любовь.

Мертвецы прошлого поднялись из гробов,
Армия бьётся до предсмертного хрипа,
Нас ждёт 7 дьявольских адских кругов,
Шаг за шагом под мелодию скрипок.

Водопадом нахлынет всё-то,
От чего так долго и быстро бежали.
Жизнь превратиться в цирк Шапито,

И в прах разобьются наши скрижали.

Маски улетают прямиком к облакам,
Гноем покрываются старые раны,
А мы, подобно сказочным чудакам
Рушим свои же постройки и планы.

Шипы прорастают в багровые розы,
Прямо из рук тянутся ввысь
Судьба рушит все ваши прогнозы,
В глотку вцепилась любовная рысь.

Алые фонтаны из шеи льются на пол,
Цветы плавно ложатся на грудь.
Я имею то, что хотел и то, к чему шёл,
Прекрасный финал, но неправильный путь.

Весь в крови и с шипами от роз,
Молча смотрю в тёмные небеса.
Оборвался спасательный трос,
Тут не помогут уже чудеса.

Прошное должно остаться за спинами,
Не стоит к нему никогда возвращаться.
Обиду зальём алкоголем и винами,
Чтобы навеки в настоящем остаться.

Тело лежит на холодеющем кафеле,
Нет даже проблесков яркого света.
Все эгоисты, как я, жертвы анафемы,
О которых никогда не напишет газета.

Парень, поверивший в чудо

В небе раздался грома раскат,
Поезд отправился в путь,
Уже час наступает закат,
А я не могу пока что уснуть.

Стоит ли верить в реальность,
Когда уже некого спасать,
Крик людей потерял уникальность,
Но они продолжают кричать.

И не случится с ними чудес,
Все останутся на местах,
Они актёры незаконченных пьес,
Которыми правит лишь страх.

В припадке возьмутся за нож,
Начнут сразу же резать себя.
Мир вокруг для них – ложь,
Жизнь относится к ним не любя.

Но среди всей этой массы,
Будет идти парень один,
Не тративший даже часа,

На слова, что он господин.

Ему невдомёк проблемы тумана,
Тумана безликих серых людей.
Он – всего лишь жертва обмана,
Идущая дальше лишь веселей.

Быть может в голове алкоголь,
А лёгкие полны сигаретного дыма —
Под этим сокрыта адская боль,
Причина её навек нерушима.

Парень, поверивший в чудо,
Так хочет понять всё вокруг,
Парень, поверивший в чудо,
Сам себе единственный друг.

Все проблемы остались снаружи,
Им не позволили внутрь войти,
Юноша тот – стоит безоружный,
Напевая какой-то мотив.

Пусть волшебство – это миф,
И верят в него слабоумно,
Мир людей так фальшив,
Победит – сделавший шумно.

И мы снова вернёмся в начало —
Сигареты, шприцы, алкоголь.
Будем тянуть на себя одеяло,
Отобрав у того самого парня,
Его главную роль..

Призраки сети

Тёмные закоулки реальности —
Наша мрачно-сырая обитель.
Хватит людям мораль нести,
Лучше в пол-оборота бегите.

Мы существуем только там,
Где люди ищут упоение,
Не скрыть всех целей вам,
Как и своё неумолимое волнение.

Во снах царит глухой обман,
В сети не существует чувств.
Среди людей сгущается туман,
Но мир, подобно призраку, так пуст.

Стуча по клавишам все ночи,
Страдалец мечется в сети,
В своих усмешках, фразах точен,
Но в настоящем обществе грустит.

Он не находит общих тем,
Не видит смысла в людях рядом,
И не выносит разговорных схем,

Считая всю культуру ядом.

Но по ночам вся грусть уходит,
Вступает в дело едкий эгоизм.
Душа по интернету бродит,
Лишь находя в нём лживый утопизм.

Но, мы, как призраки прогресса,
Заставим вас навеки тут остаться,
Вы не сохранили долю веса,
Поэтому извольте рассчитаться.

Мы существуем здесь, в онлайн,
Идём с людьми извечно на контакт,
Вам не найти решения всей тайны,
С лгунами дьявол вёл отдельный пакт.

Вот-вот начнётся по мечтаниям людей,
Финальный реквием из тьмы,
Нет, ты не думай, что злодей
Способен изменить течение судьбы.

Остаться в зеркалах – искусство,
Остаться в памяти – труды.
А жить без жизни – жить без чувства,
Тут не помогут высшие суды.

Мы существуем только там,
Где человек не может жить нормально,
Мы существуем только там,
Где отключить себя от сети – нереально..

Мёртвые души

Всё идет не так, как мы хотели,
Идеи пропиты, фантазий нет,
Исчезло время и пропали цели,
Нас освещает ультрафиолет.

Собрать по гаечкам – никак,
Случился сбой в программе —
Не избежать панических атак,
Подобно смерти в драме.

Облить бензином все труды,
Потом поджечь коробку спичек —
Всё это ради той звезды,
Путь до которой ограничен.

И вроде хочется меняться,
Включить обратно старый ход,
Но места нет для постояльца,
И жизнь вокруг как анекдот.

Судьба нас крутит по спирали,
Водя за нос не первый год,
А люди, что нам столько ввали,

Разбили в прах безликий небосвод.

Влетел в скалу ваш самолёт,
В живых остаться – невозможно,
А сколько новостей пойдёт,
Что жить на свете безнадежно.

И доля правды в этом есть,
Ведь мы, по сути, все погибнем,
Но кто-то до конца оставит честь,
А для других – надгробия воздвигнем.

Их души мертвые останутся в сердцах,
Исчезнут лишь простые оболочки.
Слезинки сохнут мигом на глазах,
На мертвецах поставят точки.

Замкнуть в себе остатки доброты,
А после, вскрыть ножом на теле,
Чтоб показать всю силу правоты,
Не на словах, а только в деле.

На нас кричат морские девы,
Ведь крик сирен – способен убивать,
Но душу греют их припевы,
Ведь невозможно дважды умирать.

И память к небесам взлетит,
Кружа в последнем горьком вальсе,
На всё на свете есть лимит,
От душ погибших рядом – не печалься.

Антиутопия

Стучим по крышке гроба,
Надеясь услышать ответ.
Мечтаем покорить небоскрёбы,
Но главный злодей – Бафомет.

Нам вечно что-то мешает,
Упираемся в стены вокруг,
Жизнь нас выбора лишает,
Мысль о побеге – просто потуг.

Конца локации не видно,
Бредём без целей в никуда,
Ведём себя спокойно, миловидно —
Для лжи не нужно лишнего труда.

И нас распяли б на кресте,
Всё сотворили ради покаяния,
Построили бы замок из костей,
Так и не встретив понимания.

Нам не помогут ваши молитвы,
Мы существует здесь, за окном,
Движемся вниз по лезвию бритвы,

Прямо как все, к финалу идём.

Пусть говорят, а мы не будем слушать,
Останемся со своими мыслями в умах,
Начнём стеклянный замок рушить,
Позабыв, что значит страх.

Так проще людям будет донести,
Все мысли сквозь листы бумаги,
А если не поймут, ты не грусти,
Порвём все белые мы флаги.

Общество не хочет всех принять,
Людей отвергнуть очень просто,
«Нельзя же всех и каждого понять».
Конечно, ведь закрыли доступ.

Доступ к обществу «невинных»,
Где каждый норовит соврать,
А покорить без страха все глубины,
Значит глупо жизнью рисковать.

Существовать для чьей-то галочки,
И лишь к концовке смысл осознать,
Что так хитро судьба играет в салочки,
Боясь всё людям сразу проиграть.

Да, всех изгоев по шаблонам ненавидят,
А почему – ответ никто не сможет дать.
«Тебе легко сказать, в сторонке сидя»,
Я лишь пытаюсь правду вам вскрывать...

ЛУННЫЙ СПУТНИК

Считаем звёзды в синем небе,
Тянем руки без причины ввысь.
Сегодня я подкину жребий —
Прошу тебя, сегодня мне приснись.

Приснись, королева мечтаний,
Кожи коснись тонкими пальцами,
Освети путь творческих начинаний,
Сделав меня вместе с музой страдальцами.

Упав на колени, вверх посмотрю —
Забуду о близких, о счастье,
Грусть и Луна исполнили трюк,
Вырвав меня из лающей пасти.

Полумесяц пронёсся безлико,
Не запомнился облик и взгляд,
Я как Мелвилл – ищу Моби Дика,
Но встречаю лишь голоса, что гудят.

Гудят, разлетаясь по улицам эхом;
Верёвки висят, дрожа на ветру,
Людей провожают лишь смехом,

А он проникает всё глубже к нутру.

Луна, я тебя вызываю на танец,
Один раз, позабыв обо всём.
Дождь – мой гонец и посланец,
Вместе с ним все обиды зальём.

Но вместо ответа – немая картина,
Застыли в секунду слепые глаза,
Разбилась о берег моя бригантина,
Сколько всего я ещё не сказал.

Бумага промокла, чернила иссякли,
Душа выжата до конца, словно лимон,
Декорации пали в провальном спектакле,
И разум потёр все списки прошлых имён.

Контакты забиты теперь пустотой,
Маска скрывает весь мир от меня,
Помню лишь встречи с Луной,
Но их забываю в течение дня.

Царапаю пальцами на стенах слова,
Кричу в стёкла какие-то строки,
Память не слышит, она умерла;
Под глазами мешки, на шее отёки.

А всё из-за того, что лишь Луна,
Давал мне ночами вдохновенье.
Теперь же, я – один, она – одна,
И жизнь моя теряет вдох и рвение.

I. В ожидании чуда

Друзья разъехались по миру,
Судьба нас больше не сведёт,
А память лезвием рапиры,
Разрубит чувств застывших лёд.

Продолжить верить в голоса,
Или остаться ждать у моря?
Мне ваши слёзы режут паруса,
Сдав все позиции без боя.

Продажный умысел всех слов:
Заставить танцевать под дудку.
Разбив подпорки у мостов,
С улыбкой скажем: «Это шутка».

А я всё так же жду чудес,
Закрыв глаза, лечу по небу.
Очнувшись – рушу политес,
Предав себя и чувства гневу.

Всех убивают сотни проводов,
Наушники затянутся на шее,
Наш мир иллюзий – образцов,

Ведь он зарыл людей в траншеи.

Среди земли и запаха дождя,
Мечтаем выбраться на волю.
Бежим наверх, улыбку превзойдя,
И своровав себе чужую долю.

Стараясь помнить лица,
Не обернёмся с высоты назад.
И сделав шаг под колесницу,
Избавим мир от буффонад.

А я всё так же жду чудес,
Зарыв с собой плиту гранита.
Ищу с дороги быстрый срез,
В графе погибель: не засчитан.

Побег от смерти для мечты,
Прыжок с обрыва ради жизни,
Глаза не видят, что пусты,
Все ваши души на последней тризне.

Не жду чудес, устав от этой роли,
Не просыпаюсь более в поту,
Сменяю чувства алкоголем,
И засыпаю лишь в бреду.

Циклично повторяю строчки,
Меняю лишь какие-то слова.
Тяну все звенья из цепочки,
Забыв, что вся идея не нова...

II. Обиженные и слабые

Без сохранений сразу к боссу,
Стреляться на дуэли честной.
Не задавать предателям вопросов,
Пока под грузом черепа не треснут.

И промахнуться грузной пулей,
Попав себе болезненно в плечо.
Заметить лишь тогда плавник акулий,
Когда поймёшь, что обречён.

Но если, ранив две ладони,
Схватится за последний шанс,
То может, мы догоним,
Прошедший мимо нас нюанс.

Хотя, обман и не прошёл удачно,
Я смог кусочек правды воскресить:
Пришёл с ножом на бой кулачный,
Чтоб кораблём самостоятельно рулить.

Команда свергнет капитана,
Узнав какой-нибудь секрет,
А ты не встанешь и с дивана,

Сменив всего один приоритет.

Пора уже проснуться от чудес,
Я долго ждал их проявления.
Слабак для силача – деликатес,
Что не способен жить без вдохновения.

А утром снова мерзнуть на балкон;
Так хочется избавиться от боли,
Как жаль, что в рамки жизни заключен,
Опять пойду встречать издёвки в школе.

Терпеть, чтоб лопнуть, как гнойник,
Сменить всех рядом однодневок,
Порвать с молитвой черновик,
И раздавить тиары королевам.

Смеяться в луже алой крови,
От жалости, царящей не ко мне,
И сделать ряд событий тупиковой,
Достав листок, что спрятал в рукаве.

Обиженный людьми – отправится страдать,
Метаться будешь, словно в клетке цирка,
Но будь они людьми – не стали б убивать,
Тебя, как вещь, отправив чистым в стирку.

Кумир обиженных и слабых,
Но враг для общества под номером один,
И сложно так понять, что вы не правы,
Ведь лучше быть героями картин.

III. Без лица

Зачем ускоренно идти,
Без цели, прямиком в закат?
Нам дела нет до горя на пути,
Ему безликий будет рад.

Поплакать в чьё-нибудь плечо,
Раскрыть все шрамы на душе,
А прикоснувшись – станет горячо,
И слёзы как вино отправят на фуршет.

Зальём в себя очередной стакан,
Чтоб вылить всё потом обратно,
Извергнется когда-нибудь вулкан,
Платок не спрячет эти пятна.

Бесцветные слезинки растворятся,
Превращая пепел в чёрный дым.
А где друзья, куда же делись братцы,
Почему для всех я стал чужим?

Розы чёрные застыли на руках,
Хрусталь разбился в мелкие куски,
Стекло умчится в мятых парусах,

Припомнив сущность бреда и тоски.

Не будет память вечно жить,
Её ведь тоже скоро позабудем,
Теряется клубок, пропала даже нить,
Зачем глаза и лица этим людям?

Глаза ведь врать мы не учили,
Они всю правду выдают.
Пусть лучше станут все слепыми,
Пока не рушится уют.

Слезами пишем письма на листе,
И вспоминаем цвет родимых глаз.
Потом, всё скомкав, строчим на холсте,
Пустой набор всех однотипных фраз.

Бальзам души – улыбка взгляда,
Но кровь в горле мешает говорить,
Мы через силу повышаем градус,
Но забываем, что можно и не пить.

Я нарисую строчками поэта,
Я разукрашу красками творца,
Я покажу в трёх строчках лето,
И расскажу начало без конца.

И больно будет тем вдвойне,
Кто плачет громко без лица,
Рой пчёл появится извне,
Ужалив ложью чувства из ларца.

IV. Пережитки прошлого

Здесь не ищите много смысла,
Он превратился в тень творца,
Вся жизнь – одни и те же числа,
Которым нет банального конца.

Писать стихи хотя бы раз в неделю,
Чтобы понять, как сладок был обман,
Всем нам пакет на голову надели,
Отправив умирать в туман.

Погибнуть у экрана монитора,
Не дописав себе последний стих,
Упасть на пол, не видя коридора:
Я даже здесь чужой среди чужих.

Меня отвергли все контакты,
Мороз не принял на ночлег,
Зима скрывает истину и факты,
Зачем на свете нужен человек?

Пишу под музыку вам чушь,
Да, нет, мне больше оправданий.
В искусство запихали плюш,

Не выводя из зала заседаний.

Дрожа, рифмую пару слов,
К ним добавляю каплю связи —
Поэт теперь окажется готов,
Копаться в луже мокрой грязи.

Искать в листве живую музу,
Потом понять, что не нужна;
Держать её с собой тяжёлым грузом,
Когда тюрьма культуры сожжена.

Вскружиться мыслями успеха,
Забыть призвание как сон,
Пусть на пути появится помеха,
Я лучше буду в жертву принесён.

Тошнит от собственного эго,
Порой, всё хочется забыть.
Сам нарисую план побега,
Хотя не знаю, как уплыть.

А пережитки прошлого сгниют,
Оставив в памяти осадок.
С могилы пустим к ним салют,
Стряхнув остатки конфетти с оградок.

Творить – не значит что-то думать,
А думать – не означает сочинять.
Сменив десяток масок и костюмов,
Продолжим этот цикл повторять.

Страсти

Прожив уже немало времени,
Решил всё изложить в листах.
Прогнулся лишь под бременем,
Держа однажды журавля в руках.

Но он вспорхнул, оставив воробья,
Который бился медленно об стены.
Так надоела людям ложь твоя,
Мне яд пускали птицы через вены.

И я в припадке гнева умирал,
Сжимая пальцами какие-то бумаги,
Хотел устроить адский ритуал,
Но не хватило здесь отваги.

И по спирали повторяя раз за разом,
Придти на место больше не могу,
Искал среди людей гранёные алмазы,
Но находил лишь трупы на снегу.

Я напишу рецензию на небо,
Пусть не услышат строчек боги.
Если хочешь счастья – требуй,

Ведь короли на троне – босоноги.

Хотел зашить порезы на плечах,
Но загнан в рамки творческого круга,
Мне шею давят руки палача,
Заставив верить в действие недуга.

А личность в темноте бредёт,
Застыть не может вдруг от страха,
Настанет скоро ваш черёд,
В конце всех ожидает плаха.

Разбить ногами то искусство,
Что не способно говорить,
Что вызвать не по силам чувства,
Ведь невозможно более творить.

И протирать следы багровых пятен,
Не наступить отныне на капкан,
Нам не исправить столько вмятин,
Когда кругом один телеэкран.

Для самозванцев правда – зло,
Меня возненавидеть могут люди,
Пусть мне с судьбой не повезло,
Но хуже их теперь уже не будет.

И птицы те, что отравили ядом,
Исчезнут, словно грязь и пыль.
И все слова останутся под катом,
А серый пепел тухнет, как фитиль.

Иллюзионист

Создать из пороха ружьё,
Из небылицы сделать сказку,
Так может каждое жульё,
Но все ли прячутся за маску?

А чтоб творить не нужно много,
Хватает просто волшебства:
Построим к радуге дорогу,
Забыв про мненье большинства.

Оно так сладко верит в речи,
Что в уши льются здесь рекой,
И я встречаю их под вечер,
Опять растаявшей весной.

Нас унесут потоки в море,
Здесь не поможет магия людей
И превратится чудо – в горе,
И жизнь скрипит подошвой у дверей.

Змея ползёт наружу из плаща,
И захватить все хочет розы,
А человек смеётся, ей рукоплещая,

Забыв о том, как больно льются слёзы.

Иллюзией привлечь к себе вниманье,
Играть эмоцией, как струнами души,
Искать повсюду счастье, пониманье,
Но взгляд не может быть фальшив.

Он выдаст схему всю обмана,
И сказка превратится в быль,
Змея скользит, шипя нам из тумана,
А розы, жаль, отправились в утиль.

И кролики из шляпы пропадают,
От лучшей жизни же бегут,
Волков назад не примет стая,
Пошёл насмарку долгий труд.

Я обмануть пытался всех,
Но ухитрялся верить сам,
Поднять хотел людей на смех,
Но растекался по стенам.

Горя внутри, потух снаружи,
Остался в цирке старый шут.
Он тут один и он не нужен,
Его здесь более не ждут.

Создам иллюзии я в тайне,
Уйду от мира в старый зал,
Но разобьётся новый лайнер,
Как чей-то поезд о вокзал...

Во сне

Забытый всеми я в квартире,
Вдыхаю едкий серый дым,
Я здесь один и я не в мире,
И всё вокруг мне кажется чужим.

Припомнить смог вчерашний день:
В нём много лиц, но пустота.
Глаза людей, как злая тень,
У душ не спросишь паспорта.

Ты просто падаешь на небо,
С земли летишь куда-то ввысь,
Кричишь потом, как долго не был,
В местах, где промышляет рысь.

Но человек всего лишь вспышка,
Среди всех звёзд – крупинка от Луны,
Кругом война, в которой ты мальчишка,
И все вокруг победами пьяны.

Пусть разнесёт по миру ветер,
Молитвы чуду и богам,
Расскажет людям о запрете,

О том, как судьбы создаются вам.

Уйти куда-нибудь из мира,
Забиться в танцах и вине,
И стать последним командиром,
С огромным шрамом на спине.

Кидаю в стену лист бумаги,
В нём неудачные слова,
Утонет дом героя саги,
Зачем безликим голова?

Она идёт не по значению:
Всё под копирку у станка.
Придать себя и мир забвенью,
Чтоб верно кончилась строка.

И дописать ещё немного,
Крича куда-то громко вдаль,
И стать убийцей демагога,
Разбив об голову хрусталь.

И в темноте потухнет спичка,
Она, как символ нашего конца,
В котором сломана отмычка,
И сердце полное свинца.

А сигаретный дым растает,
Как лёд, погибший по весне,
Никто меня на свете не узнает,
Если я останусь лишь во сне.

Петли

Холодный город отвергает,
Всех непонятливых людей,
И только злоба понимает,
Суть превращения в зверей.

Полёт фантазии окончен,
Осталось белых два листа.
Ответ привычно ваш уклончив,
Жаль, только совесть не чиста.

Всех чёрных пятен не отмоешь,
И не справишь старых дел,
Ведь сам себе могилу роешь,
Пусть, даже в землю не хотел.

Исход для всех окажется един,
Никто не лезет к небесам,
Судьбе пока что господин,
Но вряд ли ждут нас чудеса.

Мы их оставили на время,
И ждём момента, чтоб вернуть,
На спинах тащим это бремя,

А счастье видим, лишь чуть-чуть.

И ангелы провалятся к нам вниз:
В раю закончились места.
И разобьётся тот сервиз,
В котором плачет пустота.

Жизнь бьётся разумом об скалы,
А руки влажные от слёз,
Закат зальётся цветом алым,
Как лепестками красных роз.

Глушить таблетками ту боль,
В которой тонут эти люди,
Так убежал от разума король,
Но мы же делать так не будем?

И пусть финал неповторим,
Вернётся память и мгновенья,
Весь путь легко определим,
Забыв о важности решенья.

На шею давят эти петли,
Как кукле нитки на руках,
Зачем я снова долго медлю,
Ведь сам останусь в дураках.

Сейчас вы видите остатки,
Кусочки мертвые души,
Она уйдёт куда-то без оглядки,
И образ зла во мне неразрушим...

Больной разум

Так трудно говорить с людьми,
Когда в душе томится ложь,
Я в землю лечь готов костьми,
Лишь уберите ржавый нож.

Он повидал на свете крови,
Побольше воинов и солдат,
И резал плоть в ночном покрове,
И убивал быстрее, чем автомат.

А разум, загнанный в тупик,
Готов рассыпаться на части,
Мы как герои пыльных книг,
Спастись хотели от напасти.

Сразить последнего дракона,
Нам невозможно без меча,
А в небе чёрная ворона,
Кружит, как зритель палача.

Наш дом пылает синевой,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.